

Зоя Андреевна

I.

Зоя Андреевна чуть не расплакалась, когда увидѣла себя въ зеркалѣ: перо «эс-при» сломалось и повисло над правымъ ухомъ; подъ усталыми глазами лежали черные круги — то ли отъ копоты, то ли отъ усталости; рукавъ шубы расплзся по шву, и оттуда торчалъ клокъ грязной ваты. Медленно осмотрѣла она юбку: подолъ былъ оборванъ. Вѣрно, случилось это, когда Зоя Андреевна вылѣзала изъ теплушки и старалась изо всѣхъ силъ спрятать отъ мужчинъ, стоявшихъ на перронѣ, свои тонкія, въ ажурныхъ чулкахъ, ноги. Въ вещахъ должны были быть нитки...

Чемоданъ былъ раскрытъ, и первое, что попало ей на глаза, была пачка писемъ и фотографій. Она вынула ее, присѣла на кровать и стала пересматривать. Вотъ эту карточку можно будетъ поставить на столъ, возлѣ чернильницы; а вотъ эту — нельзя, она съ надписью. Впрочемъ, и не надо: что было — то прошло.

У нея не было силъ ни вымыть руки, ни зажечь свѣтъ. Она сидѣла въ сумеркахъ, въ чужой, неприглядной комнатѣ и чувствовала, какъ изнеможеніе и жалость къ себѣ разливаются въ ней теплымъ, успокоительнымъ огнемъ. Внезапно слезы закапали у нея изъ глазъ на разбросанныя письма, и она повалилась поперекъ кровати, лицомъ въ одѣяло, съ неодолимымъ желаніемъ уснуть.

Надюшка оторвалась отъ замочной скважины: «Завалилась», — подумала она и неслышно побѣжала къ матери.

Куделянова сидѣла у окна и шила. Шила она постоянно и всегда говорила, что шьетъ «изъ послѣдняго». Временами она поднимала жирную голову на короткой шеѣ и смотрѣла въ окно на голыя деревья городского сада, на крышу эстрады, гдѣ еще лѣтомъ гремѣла музыка, на угловое зданіе мужской гимназіи. Съ каждымъ стежкомъ она все обѣщала себѣ отложить работу — становилось темно. На конецъ, въ столовую вошла Анна Петровна, неся въ рукахъ круглый салатникъ съ винигретомъ. Она зажгла лампу и стала накрывать на столъ.

Аннѣ Петровнѣ было лѣтъ тридцать пять, она была немногимъ моложе сестры и до сихъ поръ оставалась въ дѣвушкахъ. Марья Петровна считала ее вторымъ по уму человѣкомъ (первымъ былъ покойный Сергѣй Измайловичъ Куделяновъ, начальникъ участка). Особенно цѣнила Марья Петровна въ сестрѣ то качество, что Анна Петровна никогда ума своего ни при комъ не выказывала, такъ что многіе люди, въ томъ числѣ и самъ покойный Сергѣй Измайловичъ, считали ее вовсе глупой. Онъ даже говорилъ, что всякій разъ, какъ она увѣряетъ, будто ей пришла въ голову мысль, — она вретъ. На это Марья Петровна замѣчала, что для того, чтобы врать, необходимо прежде всего быть умнымъ человѣкомъ. Анна Петровна, чтобы не раз-

рушить легенду Маріи Петровны, старалась говорить одними вопросами и проявляла въ этомъ не малую изобрѣтательность.

Когда Анна Петровна вошла съ салатникомъ въ столовую и засвѣтила лампу, Марья Петровна показалось это удивительно умѣстнымъ: какъ разъ въ ту самую минуту уже ничего нельзя было разобрать въ шитьѣ.

— Какъ ее звать, говоришь? — спросила Анна Петровна.

— Зоя Андреевна.

— Что жъ она, полька?

— Почему ты думаешь?

— Зоя... Что за имя дурацкое?

Въ эту-то минуту и вошла Надюшка. Она сразу почувяла, что поспѣла во время, а если опоздала, то совсѣмъ на немного: разговоръ касался того именно, что единственно ее сейчасъ волновало. Она остановилась на порогѣ и, сложивъ руки подъ чернымъ форменнымъ передникомъ, стала слушать и ждать, когда наступитъ время вставить словечко и ей. Ея бѣлобрысая голова всегда поворачивалась въ сторону говорившаго, будто слушала Надюшка не блѣдными и длинными ушами своими, а ноздрями веснущатаго, не всегда чистаго носа:

— Столоваться будетъ, говоришь? — спрашивала Анна Петровна.

— Только обѣдать.

— А завтракать?

— На службѣ.

— А служить гдѣ?

— Не разобрала я. Говорить: эвакуировалась съ учрежденіемъ изъ Харькова. Подъ учрежденіе «Европу» отвели... Борщъ поставила?

Анна Петровна кивнула и стала укусомъ поливать винигретъ, ворочая его вилокъ.

— А сыпного тифу на ней нѣтъ?

Марья Петровна, зѣвая, снимала белыя нитки, приставшія къ животу.

— Ну, ужъ ты! Не пугай пожалуйста. Велѣла ей все снять съ себя и выколотить хорошенько на всякій случай. Обещалась.

Надюшка сообразила, что пора ей вступить въ разговоръ.

— А она не раздѣвшись съ ногами на постель легла. И въ шляпкѣ, а на шляпкѣ — перо, ей Богу!

— Где ты видѣла? — жадно спросила мать.

— Въ замокъ глядела, ей Богу, видать!

— Перо? Какое такое перо? — спросила Анна Петровна.

— На шляпкѣ, тетечка, красивое такое.

— А сама она красивая?

Марья Петровна ничего не сказала: по ея мнѣнію пріѣзжая была недурна. Надюшка запрыгала кругомъ стола.

— Ужасно шикарная такая, ей Богу! Юбку оборвала и все разглядываетъ. Глаза большущіе, брови хмурить.

— Пойду, посмотрю, — не выдержала Анна Петровна. — Въ замокъ, говоришь, видать?

Но, проходя по передней, она остановилась у зеркала, чтобы посмотреть, что сталося съ прыщомъ, вскочившимъ утромъ на подбородкѣ. Не успѣла она скривить лицо, чтобы лучше было видно, какъ у двери позвонили. Это вернулась домой Тамара.

Когда Тамара поселилась у Куделяновыхъ (это случилось вскорѣ послѣ смерти Сергѣя Измайловича, когда Марья Петровна рѣшила сдавать комнаты), Марья Петровна опасалась, какъ бы она съ улицы кого-нибудь не привела ночевать. Съ тѣхъ поръ прошло больше года, но этого не случилось. Сама Тамара, правда, часто домой не возвращалась, но приводить никого не приводила и платила исправно.

Утромъ вставала она рано. Въ одной рубашкѣ ходила на кухню мыться, потомъ курила, пила чай, пѣніемъ своимъ будила студента, квартировавшаго, какъ и она, у Марьи Петровны, надѣвала шелковую нижнюю юбку, красное платье, пролинявшее подъ мышками и, вдѣвъ въ уши цыганскія серьги, уходила на службу. Она служила машинисткой въ управленіи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ на столикѣ у нея постоянно лежали филипповскіе сладкіе пирожки, пуховка, пилка для ногтей и разные другіе неслужебные предметы, волновавшіе воображеніе мужчинъ, замученныхъ конторской работой и семейнымъ счастьемъ.

Тамара не успѣла снять съ головы пестрый шарфъ (шляпъ она никогда не носила), какъ Надюшка и Анна Петровна потянули ее въ столовую.

— Что случилось, дѣвушки? — взвизгнула она, видя какъ красное платье ея съ большимъ вырѣзомъ съѣзжаетъ съ одного плеча, причемъ обнажается заношенная рубашка и грудь въ пятнахъ отъ поцѣлуевъ.

— Гостинную сдали, — хихикнула Надюшка. — Съ Харькова дамочка, молоденькая такая, гордячка!

— Ну? Замужняя?

— Кольцо обручальное, а другое съ камнемъ и на указательномъ пальцѣ.

— На указательномъ? Ишь ты! А комнату не продешевили?

Надюшка опять хихикнула, завертѣлась на одной ножкѣ. Косые, бѣлесые глазки ея ушли подъ красноватыя припухлости надбровныхъ дугъ. Анна Петровна увидѣла, что и сама-то она толкомъ ничего не знаетъ, ни о чемъ не успѣла какъ слѣдуетъ разспросить сестру.

И Тамара сообразила, что ни отъ Анны Петровны, ни отъ Надюшки ничего, кромѣ пустыхъ восклицаній, не добьешься. Схвативъ кусокъ хлѣба со стола, она побѣжала въ кухню, къ Марѣ Петровнѣ, и тамъ уже, положивъ на хлѣбъ кусокъ нарѣзаннаго для подливки луку, стала слушать обстоятельный разсказъ Куделяновой о томъ, какъ съ часъ тому назадъ раздался въ передней звонокъ, какъ извозчикъ внесъ старый, раздутый чемоданъ и какъ изъ продраннаго рукава женщины торчала вата.

Запахъ лука, борща, жареной баранины становился все гуще: приближался часъ тучнаго, пахучаго обѣда.

Въ окна смотрѣло низкое, черное небо, по нему, клубясь, двигались декабрьскія облака съ сѣверо-запада на юго-востокъ, грузно переваливаясь другъ черезъ друга. Внизу, по широкой, шумной улицѣ, дребезжали ветхія пролетки линялыхъ извозчиковъ, текли стаями люди, въ большинствѣ — чужіе этому громадному провинціальному городу, заполнившіе его въ ужасѣ и отчаяніи бѣгства, видѣвшіе близко эпидеміи, раззореніе, войну. Они тоже текли, эти люди, съ сѣверо-запада на юго-вос-

токъ — изъ Кіева, Харькова, Полтавы, — сквозь этотъ холодный пыльный городъ, въ переполненный до краевъ Екатеринодаръ, въ тифозный Новороссійскъ, чтобы потомъ вновь повернуть на западъ, но на этотъ разъ уже къ берегамъ разоряемаго Крыма, ввѣривъ кочевья жизни свои маленькимъ суденышкамъ, бросающимъ въ темные просторы Чернаго моря воздухъ раздирающій и тщетный S. O. S.

Но пока, на срединѣ странствія россійскаго, люди еще искали забвенной тишины или забвенной пестроты — что кому требовалось. Они сотрясали городъ своимъ плачемъ и своимъ смѣхомъ. Они носились съ одного конца на другой: съ заплеваннаго вокзала — къ тихимъ особнякамъ предмѣстья; съ широкой рѣки, застывающей по ночамъ, мимо огней кофеенъ и кинематографовъ — къ отдаленнымъ, пустыннымъ улицамъ, уходящимъ въ осеннюю степь.

Гдѣ-то, на разстояніи двухъ или даже трехъ сутокъ мучительной ѣзды въ товарномъ поѣздѣ, но по картѣ — очень близко, невѣроятно, невозможно близко — шли бои: кто-то падалъ и отступалъ, кто-то напиралъ, раздувая сельскіе пожары, съ торжествующей бранью врываясь въ сыпнотифозный районъ бѣлаго хлѣба, англійскихъ сапогъ, перепуганныхъ стариковъ и женщинъ. Бои подходили уже къ кровавымъ предмѣстьямъ Харькова, фронтовая полоса начиналась сейчасъ же за Лозовой, за той самой Лозовой, мимо которой мчались когда-то стеклянные курьерскіе «Петроградъ - Минеральныя Воды», гдѣ къ рано вставшимъ пассажирамъ влетали когда-то въ окна свѣжіе листы «Приазовскаго Края».

Отъ тишины, отъ того, что комната не дрожала, какъ дрожала набитая бабьемъ теплушка, Зоя Андреевна проснулась и почувствовала себя немножко счастливѣе, чѣмъ всѣ послѣднія ночи и дни. Въ комнатѣ было темно; за окномъ мерцали желтые городскіе огни. Зоя Андреевна подошла къ двери, нашла выключатель и зажгла свѣтъ. За окномъ сразу стало черно и пусто, а въ комнатѣ появились желанныя, мирныя вещи: кровать, столъ, комодъ и многострадальный, растерзанный чемоданъ.

Зоя Андреевна расшнуровала башмаки и въ однихъ чулкахъ стала ходить по комнатѣ, переодѣваясь и прибирая. Темные, густые волосы свернула она узломъ высоко надъ затылкомъ, замшей потеряла ногти и подушилась остатками *Soeur de Jeannette*, печально оглядѣвъ флаконъ.

Ее позвали обѣдать въ половинѣ шестого.

— Феодора Феодоровича еще нѣту, — кричала Марья Петровна. — Нюта, обождать бы надо!

Но всѣ усѣлись, какъ обычно. И какъ обычно, только что всѣ усѣлись, вернулся изъ университета Федоръ Федоровичъ.

Онъ былъ очень худъ, неловокъ и тяжелъ. Волосы его вились и стояли на головѣ блестящей, темнорыжей копной; надъ большимъ ртомъ съ извилистыми губами темнѣли усы. Быстрымъ, колючимъ взглядомъ обвелъ онъ обѣдающихъ, ссутулился и поклонился. Волосатыми руками, вылѣзающими изъ студенческой куртки, схватился онъ за ложку, вытеръ ее салфеткой и сталъ жадно, ни на кого не глядя, ѣсть. Каждый день, когда Федоръ Федоровичъ вытиралъ свою ложку салфеткой, Надюшка взглядывала на мать, словно приглашая ее возмутиться.

Но Марья Петровна про себя уже давно замыслила нѣчто гораздо болѣе крутое, а именно — отказать студенту въ комнатѣ. Времена становились баснословными, и можно было найти жильца куда выгоднѣе.

Анна Петровна вошла въ столовую, когда Зоя Андреевна уже сидѣла, и потому ей пришлось до конца обѣда промучиться незнаніемъ, каковы были юбка и туфли пріѣзжей. За то она вдоволь насмотрѣлась на бѣлую шелковую кофточку, расшитую мережками и украшенную маленькими перламутровыми пуговицами. Эти пуговицы и эти мережки, а также часы на кожаномъ ремешкѣ, остались въ памяти Анны Петровны. Все это она могла бы нарисовать на бумагѣ, если бы умѣла вообще рисовать. «Такъ, такъ, — подумала она, — посмотримъ, что будетъ дальше».

— А что же теперь въ Харьковѣ, много ли народу осталось? — пропѣла Марья Петровна, давая сигналъ къ общему разговору. — Небось не всѣ уѣхали по чужимъ городамъ, добро свое пораскидали?

Зоя Андреевна побѣжала глазами по лицамъ. Ей стало не по себѣ.

— Да, конечно, многіе остались.

— Вѣрно больше, которые съ дѣтьми, — произнесла Тамара, ни къ кому не обращаясь. Всѣ помолчали.

— А что же, ѣхали вы съ удобствами, или безъ? — начала опять Марья Петровна, наклоняясь надъ паромъ полной тарелки.

— Нѣтъ, какія же удобства, въ теплушкахъ ѣхали. Три дня.

— Съ мужчинами?

— Нѣтъ, что вы. Мужчины отдѣльно. У насъ въ вагонѣ было двадцать три женщины и еще дѣти.

— Ай, ай, ай, — удивилась Тамара, — а какъ же вы справлялись...

Она вдругъ замолчала, взглянула на Федора Федоровича и фыркнула. Марья Петровна и Анна Петровна, закрывшись салфетками, затряслись отъ смѣха.

— ...съ ѣдой, — окончила Тамара, подмигнувъ Надюшкѣ.

Федоръ Федоровичъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на всѣхъ и будто впервые замѣтилъ Зою Андреевну. Она удивленно и немного испуганно смотрѣла на него. Но студентъ скользнулъ по ея лицу съ такимъ же равнодушіемъ, съ какимъ глядѣлъ и на остальныхъ.

Она стала смотрѣть къ себѣ въ тарелку, на кусокъ баранины въ соусѣ, на жареный картофель. Что-то беспокоило ее въ обхожденіи окружающихъ, и она начала ѣсть торопливо, что не шло къ ея наружности.

Тамара отодвинула стулъ и пошла въ кухню за графиномъ съ водой. Ходила она, подрагивая боками и грудью, высоко закидывая голову. Когда она вернулась и усѣлась, повернувшись бокомъ къ Федору Федоровичу, она спросила:

— Вы какъ, однѣ пріѣхали, или съ мужемъ?

Зоя Андреевна улыбнулась, и всѣ увидѣли, что она смущена, а Анна Петровна даже толкнула подъ столъ Марью Петровну.

— Нѣтъ, я одна, — сказала она. — У меня близкихъ нѣтъ. Я давно съ мужемъ не живу.

И опять Федоръ Федоровичъ поднялъ равнодушный взглядъ къ лицу и плечамъ Зои Андреевны, а Тамарѣ бросилось въ глаза ея большое кольцо на указательномъ пальцѣ. И ей сразу опротивѣла эта чистенькая, вѣроятно богатенькая пріѣзжая, до которой, въ сущности ей, Тамарѣ, не было никакого дѣла: да пусть она провалится совсѣмъ, эта барынька, эта тихоня проклятая!

И Зоя Андреевна вовсе перестала поднимать глаза.

Послѣ баранины подали застывшій кисель. Марья Петровна взяла Надюшкину тарелку и ложкой срѣзала съ блюда кусокъ такъ ловко, что Надюшка получила больше всѣхъ. Потомъ получила кисель Анна Петровна и Тамара, потомъ Федоръ Федоровичъ. Марья Петровна спросила:

— А вамъ съ молокомъ или безъ?

Зоя Андреевна не поняла, относилось это къ ней или къ кому-нибудь другому. Она переспросила:

— Вы — мнѣ?

— Да-съ, вамъ.

— Нѣтъ, я безъ молока.

Надюшка вскрикнула:

— Я такъ и думала! Ха-ха-ха!

И тогда Зоѣ Андреевнѣ впервые стало страшновато. Она слегка наклонилась впередъ и, сблизивъ рѣсницы, посмотрѣла на Надюшку:

— А почему?

Ей никто ничего не отвѣтилъ. Марья Петровна, кончивъ ѣсть, вложила салфетку въ широкое серебряное кольцо, на которомъ славянскими буквами было вырѣзано «Кавказъ». Потомъ, выждавъ, когда дожуетъ Анна Петровна, уперлась въ столъ обѣими руками и встала.

Когда она пришла на кухню и увидѣла груду грязныхъ тарелокъ, которую ей предстояло вымыть, и въ которой сегодня было тарелки на три больше, чѣмъ вчера, она представила себѣ еще разъ Зою Андреевну такою, какой она сидѣла давеча за столомъ и громко, на всю кухню, произнесла:

— Подумаешь, птица!

А Зоя Андреевна оставалась въ это время въ столовой вдвоемъ съ Федоромъ Федоровичемъ, и хоть она знала навѣрное, что Надюшка стоитъ и слушаетъ за дверью, она чувствовала себя почти свободной. Оглядѣла внимательно комнату, увидѣла двѣ размалеванные тарелки, подвѣшанныя подъ потолкомъ, піанино, на крышкѣ котораго пальцемъ по пыли было написано «Надежда Куделянова», сѣрую латанію передъ окномъ. Затѣмъ она встала и пошла къ дверямъ. Ей пришло въ голову, что хорошо бы сейчасъ сказать въ корридорѣ «добрый вечеръ»: это могло бы за разъ отнестись и къ студенту, и къ хозяйкамъ на кухнѣ. Но неожиданно Федоръ Федоровичъ обернулся къ ней и глядя мимо нея, въ дверь, спросилъ:

— Скажите пожалуйста, когда вы уѣзжаете?

Она удивилась:

— Я? я только сегодня пріѣхала.

— Я понялъ. Но мнѣ интересно, когда вы уѣзжаете. Вѣдь вы съ эвакуаціей? Вѣдь вы же не думаете, что большевики не придутъ сюда?

Она сдѣлала движеніе руками, которое дѣлала всегда, когда не знала, какъ быть въ самомъ основномъ и важномъ.

— Я пока не думала объ этомъ.

— А. Простите, пожалуйста.

— Я думалъ, — сказалъ онъ еще, — что отъ васъ узнаю что-нибудь о положеніи вещей. Харьковъ взять.

— Неужто? — воскликнула она и прижала руки къ груди. — Утромъ я еще этого не знала.

Онъ посмотрѣлъ на нее холодно.

— Да, взять. Вы вѣдь оттуда?

Она кивнула.

— У меня тамъ братъ. — Федоръ Федоровичъ тоже всталъ. — Давно не пишеть.

— Въ какомъ полку? — спросила она, чтобы чѣмъ-нибудь выказать участіе.

— Въ N-скомъ.

— Въ N-скомъ? Вотъ совпаденіе!

Она улыбнулась, и глаза ея засіяли.

— А у васъ тамъ кто? — спросилъ онъ грубовато.

— Близкій человѣкъ, — отвѣтила она просто, и опять лицо ея омрачилось.

Онъ помолчалъ, желая уйти, но она загоразживала дверь и не видѣла его.

— Позвольте пройти, — наконецъ сказалъ онъ.

— Пожалуйста.

И она вышла сама. Ихъ комнаты были рядомъ.

— Нѣтъ ли у васъ чего почитать? — вдругъ спросила она, довѣрчиво взглянувъ на него въ полутьмѣ корридора.

— Нѣтъ, ничего нѣтъ. По экономикѣ вотъ, учебники — да вамъ не интересно.

— Жалко. А Апухтина нѣтъ? Или Ахматовой?

Онъ посмотрѣлъ на нее, пораженный, и взялся за дверь.

— Стихи?

— Да.

Онъ поклонился ей, пробормотавъ «спокойной ночи», и исчезъ.

Опять зажглась лампочка. Зоя Андреевна оставалась одна въ большой хозяйской комнатѣ, которой предстояло стать отнынѣ ея домомъ. Она оставалась одна, но это не пугало и не радовало ее: она давно была одна со своими мыслями о личномъ счастьѣ, и счастьѣ, конечно, любовномъ, которое она давно искала. Былъ на свѣтѣ человѣкъ — о немъ предстояло ей думать теперь дни и ночи. Этотъ человѣкъ уже два года занималъ ея чувства. Прощаніе ихъ было прощаніемъ двухъ людей, которые другъ другу общались. Но уже давно жизнь Зои Андреевны и людей, вокругъ нея живущихъ, была крѣпко на крѣпко связана съ чѣмъ-то большимъ, съ движеніемъ какихъ то стихій, слѣдъ которыхъ, или, вѣрнѣе, дыханіе которыхъ особенно почувствовалось въ послѣднія недѣли. Было такъ, будто Зою Андреевну привязали къ крыльямъ вѣтряной мельницы: крылья вертѣлись, она отлетала, взлетала, потомъ на короткое время чувствовала подъ собой неподвижную землю, но все не успѣвала удержаться на ней и опять кружилась. Война четырнадцатаго года разлучила ее съ мужемъ. Онъ вернулся прежнимъ, но она разлюбила его, и онъ показался ей чужимъ. Она ушла отъ него. Сейчасъ разлука была иной: въ любой день грозила она вывести Зою Андреевну изъ грусти и безпокойства въ полное отчаяніе. Разлука эта, совсѣмъ незамѣтно, могла превратиться въ разлуку безнадежную.

Зоя Андреевна сѣла къ столу. Она чувствовала себя необычайно измученной. За стѣной ходили, гремели посудой. Тамаринъ голосъ громко сказалъ:

— Ну, такъ какъ-же? Погадаете вы мнѣ нынче на трефоваго короля, или нѣтъ?

Надюшка что-то визгливо рассказывала подъ общій смѣхъ:

— Вотъ такъ она пошла... И говоритъ ему: «Ахъ, скажите пожалуйста, Харьковъ взять! Экое горе!»

Тутъ въ корридорѣ слышались шаги и посвистываніе. Это, вѣроятно, прошелъ Федоръ Федоровичъ. Гдѣ-то щелкнула дверь; черезъ минуту слышался шумъ спускаемой воды; потомъ опять посвистываніе.

Зоя Андреевна положила голову на столъ, ухомъ прижалась къ нему и застыла. И вдругъ она явственно услышала, сквозь шумъ куделяновской квартиры, другіе звуки, очевидно, шедшіе откуда-то снизу, черезъ полъ комнаты и ножки стола: она услышала музыку, приглушенные звуки рояля и мужской голосъ, который пѣлъ что-то знакомое, но что именно — она не могла припомнить. Она удивилась нѣжности мелодіи, подняла голову, но музыка тотчасъ прекратилась. Тогда она обѣими руками закрыла себя лѣвое ухо (было въ этомъ что-то дѣтское), а правымъ опять прижалась къ чудесному, гудящему далекими звуками, столу. Она зажмурила глаза и слушала долго, пока пѣніе не кончилось, и не замерли въ отдаленіи послѣдніе звуки рояля.

II.

Утро слѣдующаго дня занялось хмурое. Внизу, подъ окнами, гремѣли по камнямъ подводы; въ домѣ раньше обыкновеннаго началась суета; въ раскрытую форточку столовой моросилъ мелкій дождикъ. Тамара долго не уходила, пѣла, шлепала туфлями. Она поджидала Зою Андреевну. Надюшка съ плаксивыми воплями ушла въ гимназію, съ полдороги вернулась за резинкой, потопталась въ прихожей и, наконецъ, исчезла. Зоя Андреевна вышла часовъ въ девять. Ей хотѣлось быть спокойной, заведенной на весь день, какъ часы. Но тоска долила ее.

«Ахъ, нехорошо это, нехорошо, — думалось ей, — что это я растосковалась? Да развѣ не бывало мнѣ въ жизни еще хуже?» Очень прямая, высокая, можетъ быть, немного медлительная, стала она собираться въ передней. Тамара, съ папироской, прилипшей къ нижней губѣ, остановилась у двери.

— Доброе утро, — сказала Зоя Андреевна и заторопилась.

Тамара оглядѣла ее съ ногъ до головы.

— Это вы что жъ, на свой служебный заработокъ такъ одѣваетесь? — спросила она, покачиваясь и складывая руки на еще неподтянутыхъ грудяхъ.

Зоя Андреевна почувствовала, какъ холодъ прошелъ у нея по загривку.

— Это еще до войны, — отвѣтила она тихо, боясь, что скажетъ что-нибудь лишнее.

— До войны? — насмѣшливо переспросила Тамара, — чтожъ, тогда у васъ денегъ больше было?

— Было, — и Зоя Андреевна взялась за дверь.

— Можетъ, и не служили? — все наглѣе продолжала Тамара.

— Неть, не служила.

— А теперъ, вотъ, бѣдненькія, служите?

— Да.

— Пострадали, значить?

За дверью послышался смѣхъ. Тамара отвалилась отъ косяка, кто-то дернулъ ее сзади за юбку.

— Ой, Марья Петровна, да не щиплитесь! — увернулась она.

Зоя Андреевна вышла.

Она спустилась по нечистой каменной лѣстницѣ; въ глазахъ у нея рябило. Выйдя на улицу, она сдѣлала усиліе, чтобы забыть обо всемъ, но тоска залегла въ ней прочной тяжестью. «Ахъ, да что-же это въ самомъ дѣлѣ! — подумала она опять, — ну развѣ время сейчасъ тосковать?»

Все тотъ же упорный вѣтеръ мель соръ, крутилъ подолы. Кофейни уже были полны. Вагоны гвоздей, пеньки, соли перескакивали здѣсь изъ однихъ рукъ въ другія. Такъ начинали штатскіе вѣтреныи, холодный день. Военнымъ не сидѣлось. Они ходили по улицамъ, заглядывая въ окна гастрономическихъ магазиновъ и синѣли отъ холода. Въ этотъ часъ они никакого вниманія не обращали на встрѣчныхъ женщинъ, прижимавшихъ муфты къ испуганнымъ лицамъ. Шестнадцатилѣтніе парни въ обмоткахъ толпились на углу, словно статисты громаднаго, нетопленнаго и пыльного театра. Другіе собрались у подъѣзда реальнаго училища, гдѣ чахлый инспекторъ тщетно зазывалъ ихъ вернуться въ классы. Съ пѣснями прошелъ батальонъ первокурсниковъ, а за ними по тротуару плача пробѣжали дѣвушки, всѣ, вѣроятно, приличные, а не какія-нибудь, но имѣвшія безразсудно помятый видъ. Съ вокзала по городу неслись свистки, пронзительные, долгіе, по два, по три за разъ: это пятые сутки подходили забрызганные кровью поѣзда и умоляли еще и еще потѣсниться, чтобы только стать имъ какъ-нибудь среди другихъ, чтобы можно было вынести раненыхъ, отдѣлать тифозныхъ, помочь маленькимъ дѣтямъ слѣзть и за первой попавшейся будкой разстегнуть штанишки.

Марья Петровна слышала эти свистки и вспоминала свою молодость на линіи. Когда всѣ ушли и она осталась вдвоемъ съ сестрой, ее съ такой силой потянуло въ комнату Зои Андреевны, что она только успѣла кинуть въ кресло пыльную тряпку, которой обтирала буфетъ, да отпихнуть попавшую подъ ноги кошку.

Въ комнатѣ воздухъ уже услѣлъ стать мягкимъ, теплымъ и душистымъ, и Марья Петровна возревновала свою гостинную: ея собственные вещи показались ей вдругъ измѣнившимися. Она подошла къ комоду, увидѣла *Coeur de Jeannette*, гребень, маленькія ножницы, потомъ потрогала висѣвшій на гвоздѣ капотъ, шевельнула ногой ночныя туфли безъ задковъ. «Все-то у нея есть, — подумала она. — Ишь ты, бѣженка!» И она заглянула въ шкафъ.

— А, вотъ ты гдѣ! — вскричала въ эту минуту Анна Петровна. — Меня гладить поставила, а сама — сюда? Да что-жъ ты думаешь, мнѣ неинтересно?

— Ну, ужъ ты, пожалуйста, не кричи, — смутилась Марья Петровна, — я только на минуточку.

— На минуточку! — всплеснула Анна Петровна руками, — да ты куда смотришь то, куда? Въ чемоданъ смотрѣть надо, а не въ шкафъ. Что въ шкапу увидишь? Ну, модель, ну, лифчикъ... Ты въ чемоданъ смотри!

Онѣ обѣ нагнулись къ чемодану, но онъ былъ запертъ.

— Вотъ видишь: права я! — торжествовала Анна Петровна. — Вотъ куда смотрѣть надо! Потому и заперла она его, что въ немъ всякое наложено.

Положительно, Анна Петровна была дѣвушкой необыкновеннаго ума. Ахъ, Сергѣй Измайловичъ, Сергѣй Измайловичъ, гдѣ были ваши глаза?

Марья Петровна съ восхищеніемъ смотрѣла на сестру: Анна Петровна изъ-подъ подушки выдернула ночную рубашку тонкаго полотна, осмотрѣла ее и дѣловито сунула обратно; изъ корзинки для бумагъ вынула лоскутъ смятой бумаги, разгладила его на столѣ, рассмотрѣла на немъ чей-то адресъ, записанный карандашемъ. Она, можетъ быть, заглянула бы и въ помойное ведро, но Марья Петровна вдругъ забеспокоилась:

— Смотри, узнаетъ она, что мы въ ея вещахъ копались! Пойдемъ.

— Сама иди.

— Да нѣтъ ужъ, пойдемъ вмѣстѣ.

— Такъ ты иди, а я приду.

— Нѣтъ ужъ, пойдемъ вмѣстѣ.

Поспоривъ, онѣ ушли одна за другой, но обѣ въ душѣ рѣшили, что еще вернуться. Въ ихъ жизни внезапно появилось непонятное имъ самимъ напряженіе. Съ перваго часа пребыванія въ домѣ Зои Андреевны почувствовали онѣ, что прежняя жизнь ихъ нарушена. Онѣ почуяли, что попали, быть можетъ, въ страстную полосу существованія, что во всеобщемъ движеніи, во всеобщей тревогѣ, пришло и имъ время жить, дѣйствовать. Какъ все вокругъ нихъ было полно ожиданіемъ конца, такъ и онѣ стали ждать. Что-то говорило имъ, что ихъ было не двѣ, не три, не четыре: что ихъ было безъ конца и счета, съ иглой-ли, съ шумовкой-ли въ рукѣ, но захваченныхъ общей жаждой ненависти и разрушенія.

Зоя Андреевна чувствовала себя крѣпче, чѣмъ когда бы то ни было привязанной къ крыльямъ вѣтряной мельницы. Она находила смутную радость, встрѣчая давно знакомыхъ людей въ разоренныхъ комнатахъ и корридорахъ «Европы». Каждое утро, когда приходила она въ свой уголь, гдѣ стоялъ ея столъ съ разложенными бумагами, съ журналами входящихъ и исходящихъ, ей казалось, что она ближе къ желанной прочности, чѣмъ въ вечернемъ хаосѣ куделяновской квартиры. Здѣсь были люди, пусть съ зеленоватыми растерянными лицами, но связанные съ нею одной судьбой; ихъ будущее будетъ, вѣроятно, то же, что и ея. О прошломъ ей вовсе не думалось: близкихъ по прошлому найти среди нихъ она не стремилась.

Эти люди, сидѣвшіе тутъ же, среди ящичковъ съ неразобранными дѣлами, среди залитыхъ чаемъ столовъ, отнимавшіе другъ у друга стулья, которыхъ не доставало, были ей сейчасъ ближе всѣхъ. Такъ же, какъ она, они ежедневно писали куда-то письма, пропадавшія на узловыхъ станціяхъ; какъ она, они ежедневно ждали отвѣтовъ. Въ четыре часа прокуренныя комнаты пустѣли. Зоя Андреевна возвращалась домой и уже издали въ окнахъ видѣла высматривающіе глаза: да одна ли она? да съ той ли стороны: она возвращается? И тогда просыпалось въ ней никогда не томившая прежде тоска, унылое предчувствіе чего-то неотвратимаго.

Дома знала она четыре пары глазъ: глаза Тамары, наглые, словно шупающіе все, что бывало на ней надѣто; глаза Марьи Потровны и Анны Петровны, пробѣгавшіе по ея лицу и рукамъ, какъ бѣгаютъ по трупу крысы; и лживые ненавидящіе глаза Надюшки.

Зоя Андреевна жила въ непрестанной настороженности: просыпаясь ночью, она прислушивалась, не стережетъ ли ее кто-нибудь, не идетъ ли кто, чтобы застать

ее врасплохъ? Вечеромъ, въ корридорѣ, она боялась, что какія-то руки протянутся къ ней изъ-за шкаповъ и сундуковъ, или выдвинется вдругъ откуда-то полудѣтская нога и дастъ ей подножку. «Сѣхатъ бы, — иногда думалось ей. — Но куда теперь сѣдешь?»

За обѣдомъ ее не оставляли въ покоѣ; ей казалось, что ею перебрасываются, какъ мячикомъ, съ ужимками, перемигиваніями, усмешками.

— А родители ваши живы, Зоя Андреевна?

— Отецъ въ Москвѣ.

— Ахъ, вотъ какъ. Коммунистъ, конечно?

Или:

— А за границей бывали вы, Зоя Андреевна?

— Да, въ дѣтствѣ.

— Съ гувернантками, вѣрно, живали?

— Да.

— А теперь, значитъ, сами вродѣ гувернантки: служите...

— А мужъ вашъ, Зоя Андреевна, легко разводъ далъ?

— Мы не разведены. Сейчасъ это трудно.

— Ахъ, такъ. Мѣшаетъ это вамъ, вѣрно, очень?

Федоръ Федоровичъ никогда ничего не говорилъ, только всякій разъ дважды солилъ ѣду и обнюхивалъ каждый кусокъ, онъ жилъ подѣ постояннымъ страхомъ призыва, и ему никакого дѣла не было до Зои Андреевны.

Надюшка обыкновенно начинала писклявымъ голосомъ:

— Мама, купи мнѣ медальончикъ такой вотъ! — и она пальцемъ показывала на аметистовый подвѣсокъ Зои Андреевны.

— Гдѣ намъ, Наденька, такіе медальончики покупать! Мы люди бѣдные.

Анна Петровна оживлялась:

— Намъ такіе медальончики и не снятся. Какая наша судьба?

Зоя Андреевна думала: «Что это? Какъ мнѣ уберечься?»

Не можетъ же это такъ продолжаться?» Но это продолжалось изо дня въ день.

Можно было, конечно, рано уходить и поздно возвращаться, запирать чемоданъ, молчать, — но измѣнить главнаго нельзя было, какъ нельзя было взять билетъ второго класса до Харькова и уѣхать, или какъ нельзя было телеграфировать въ Синельниково: «Безпокоюсь. Отвѣтите срочно, когда сможете быть Ростовѣ». Сѣверо-западный, неутомимый вѣтеръ дулъ съ дикой силой, кроша людей, колыша Россію. И Зою Андреевну крутилъ онъ и мялъ въ своихъ жестокихъ лапахъ, и несъ туда-же куда неслись, объединенный страшной бурей, судьбы людей, станицъ, губерній.

Прошло двѣнадцать дней со дня пріѣзда Зои Андреевны, и люди снова стали заколачивать едва раскупоренные ящики, увязывать корзины, чтобы везти ихъ еще дальше. Поѣзда уже не останавливаясь проходили мимо.

Городъ все болѣе ощущалъ близость фронта, все гуще наливался народомъ. Каждый вечеръ, когда Зоя Андреевна возвращалась, она глазами искала въ прихожей письмо, но его не было. Надюшка обычно въ это время играла на роялѣ.

Письма не было и въ этотъ вечеръ, и Зоя Андреевна прошла къ себѣ. Съ утра не могла она согрѣться; мысль объ отъѣздѣ, о новомъ бѣгствѣ, не страшила ее, но она

чувствовала себя опустошенной и подозрительно легкой: когда ходила, боялась, что ее унесет куда-то. Холодно и сыро было на улицѣ, холодно и сыро въ «Европѣ».

— Закрывайте двери, пожалуйста, — цѣлый день только и говорила она. — Какой сквознякъ!

Теперь, кутаясь въ платокъ, подошла она къ зеркалу и взглянула на себя: лицо было очень розово, глаза воспалены.

«Да у меня жаръ, — сказала она себѣ, — я простудилась!» Она уронила голову на руки. Какъ скучно было ей! Никогда, никогда не было ей такъ скучно! Вещи на комодѣ, блестящія, стеклянныя и металлическія, задвоились, задвигались. Зоя Андреевна не могла отъ нихъ оторваться, такъ онѣ легко и правильно плясали.

Потомъ невыносимый, омерзительный запахъ ѣды потекъ изъ кухни. Она подбѣжала къ умывальнику и наклонилась надъ тазомъ.

— Обѣдать пожалуйста! — крикнула Марья Петровна.

Зоя Андреевна пошатываясь вышла въ корридоръ:

— Я не буду обѣдать, мнѣ нездоровится, — сказала она, — можно мнѣ заварить чаю?

— Заваривайте, сколько душѣ угодно, — пронеслась мимо Анна Петровна, — только, если потомъ проголодаетесь, поздно будетъ: разогрѣвать обѣда вамъ никто не станетъ.

Зоя Андреевна пошла на кухню, поставила чайникъ на плиту и стала ждать. Отъ плиты шелъ жаръ, и онъ былъ ей пріятенъ, но запахъ маслянаго перегара такъ и не далъ ей достоять: она бросилась опростелить обратно, — потъ выступилъ у нея на лбу, полный ротъ набѣжалъ слюны. Она вздохнула два раза, прикрывъ глаза рукой, и внезапно ее затрясло такъ сильно, что зубы защелкали на всю комнату.

Она кинулась на кровать и лежа стала стаскивать съ себя платье. Потомъ въ лихорадкѣ вползла подъ одѣяло и тамъ, задыхаясь, старалась удержать въ себѣ дрожь, подбрасывавшую и ломавшую ее.

— Вы чтожъ это, чайникъ поставили, а сами ушли? — гдѣ-то крикнула Марья Петровна. — Да онъ выкипитъ, да онъ распаяется! Глядите-ка...

— Онѣ больны! — крикнула въ отвѣтъ Анна Петровна изъ за самой двери. — Климаты имъ наши не подходятъ!

Но Зоя Андреевна съ упрямствомъ слушала одну себя, не соглашаясь со своей болѣзнью. Она даже нашла силы вскочить, набросить поверхъ одѣяла теплый платокъ и пальто и снова лечь.

Голова ея уже болѣла огненной болью. Удары въ вискахъ были тѣ же, что и удары въ сердцѣ, тѣ же, что и подъ колѣнями, и у запястій. Вся она пульсировала болѣзненнымъ, тяжелымъ біеніемъ. Она стала по очереди сжимать руками ступни оконченнѣвшихъ ногъ, чтобы какъ-нибудь ихъ согрѣть. Морозъ бѣжалъ у нея по спинѣ и плечамъ, а лицу становилось все жарче. Высвободивъ одну руку, она вынула шпильки и сунула ихъ подъ подушку.

Теплые волосы распались и закрыли всю наволочку.

Когда ее перестало трясти и она почувствовала почти отрадную слабость, она легла на бокъ, закуталась плотно, прижала колѣни къ груди и стала думать. Мысли ея понеслись быстро, и она радовалась ихъ отчетливости, хоть онѣ были и несложны. Глаза останавливались подолгу на предмѣтахъ, разсѣянныхъ по комнатѣ. Возлѣ нея,

на ночномъ столикѣ, лежалъ пакетъ, завернутый въ старую газету; постепенно увидѣла она и его.

Буквы запрыгали у нея въ глазахъ. «Если я разберу отсюда вотъ то объявление, — подумала Зоя Андреевна, — я завтра буду здорова». На мгновение она закрыла глаза, потомъ открыла ихъ снова и напряженно стала вглядываться въ мелкую печать.

«Интелл. господинъ средн. лѣтъ, — читала Зоя Андреевна, — со средств., люб. музыку ищѣтъ подругу жизни не старше 30 лѣтъ, весел., скромн., барышню или даму».

«Прочла!» подумала Зоя Андреевна, и сердце ее забилось еще чаще, а голову еще сильнѣе заломило. «А теперь второе, которое рядомъ»... Въ волненіи она вытянула шею. Рядомъ стояло: «Вдова, 28 лѣтъ, пріятн. наружн., хорош. Характ. жел. позн. съ образов. господ. Цѣль — бракъ. Знаетъ языки, люб. дѣтей».

«Да я брежу, — вдругъ прошептала Зоя Андреевна, откинувшись назадъ, — Господи, я брежу... Я больна... Нѣтъ, что я: все пустяки... Надо только уснуть, и все пройдетъ».

Она закрыла глаза. Внутри вѣки были малиновыя и горячія. «Буду думать о немъ, — пронеслось у нея въ мозгу. — Милый, милый, гдѣ-то вы сейчаеъ?» И она тихо прошептала мужское имя.

Свѣтъ въ комнатѣ не гасъ всю ночь. Зоя Андреевна во снѣ нѣсколько разъ просила закрыть окна и двери. Вещи слышали ея слова, но притворялись глухими. Къ срединѣ ночи волосы ея сваялись, одѣяло сбилось на сторону. Она металась долго и сонно, пока подъ утро спокойствіе большого жара не нашло на нее. На стукъ въ дверь отвѣтила она еле внятнымъ стономъ.

— Вы это что жъ, всю ночь электричество жгли? — спросила Марья Петровна, — Ай! Да вы совсѣмъ больны!

Она съ опаскою подошла къ постели.

— Чѣмъ же это вы заболѣли? Не заразнымъ ли?

Анна Петровна неслышно встала въ дверяхъ.

— Ты бы вышла, Маня, вѣдь неизвѣстно, что за болѣзнь такая. Въ больницу бы надо...

Марья Петровна попятилась.

— Ужъ не тифъ ли?

— Ну, конечно, тифъ! — Крикнула Тамара, высунувъ голову изъ своей комнаты, — говорила я вамъ вчера.

Это значитъ, въ вагонѣ укусило ихъ, а онѣ скрыли.

Женщины выскочили въ корридоръ и одна за другой бросились въ переднюю.

— Въ больницу ее! — закричала Марья Петровна. — Она перезаразитъ всѣхъ насъ! Надюшка, бѣги за извозчикомъ...

Надюшка бросила ранецъ и кинулась ей прямо подъ ноги.

— Говорила я тебѣ, нельзя въ нонешнее время пускать народъ съ вокзала, — усмѣхнулась Анна Петровна и поправила передъ зеркаломъ прическу, — вотъ и вышло опять по-моему. Всѣ теперь переболѣемъ.

— Не переболѣемъ, авось! — опять крикнула Тамара, — Марья Петровна, такъ не заражаются: отъ паразитовъ заражаются, а на насъ, слава Богу, паразитовъ нѣтъ,

мы, слава Богу, по теплушкамъ не таскаемся. Отправьте ее въ лечебницу — ничего съ вами не будетъ.

Марья Петровна безпокойно слушала ее, ухвативъ Надюшку за плечо.

— Погодите, погодите... Надюшка, рано еще за извозникомъ бѣжать: одѣть ее надо. Ты чего радуешься, что твоя взяла? — обратилась она къ Аннѣ Петровнѣ. —

Только бы мнѣ досадить! Тамарочка, все-то вы знаете, ей Богу... А кто-жъ ее све-зетъ? Вѣдь одна она не доѣдетъ, вы ее видѣли?

Тамара, наконецъ, вышла; серьги ея блестѣли, лицо было напудрено. Анна Петровна взяла ее подъ руку съ особой нѣжностью:

— До чего вы сегодня хорошенькая!

Тамара довольно улыbnулась.

— Вы, Марья Петровна, ужасно неопытная. Вы прямо готовы сидѣлкой сдѣлаться при чужомъ человѣкѣ. Велите ей одѣться; Федоръ Федоровичъ снесетъ ее внизъ — всѣ мы поможемъ, разъ такое дѣло. А доѣдетъ она одна: ничего съ ней не сдѣлается.

Куделянова медленно пошла въ комнату больной.

За окнами падалъ мокрый снѣгъ; было безъ малаго девять часовъ. Она подошла къ изголовью, и на мгновеніе вниманіе ея разсѣяли волосы Зои Андреевны — «Состригутъ!» подумала она. Теребя короткими пальцами цепочку часовъ и, склонивъ голову на бокъ, она сладко сказала:

— Придется вамъ, Зоя Андреевна, въ больницу лечь.

Тифъ у васъ.

Зоя Андреевна открыла глаза, провела языкомъ по сухимъ губамъ и собрала всю ясность, какая еще оставалась у нея:

— Позовите, пожалуйста, доктора. Я простудилась.

У меня совсѣмъ не тифъ. Я завтра встану.

Марья Петровна отошла на шагъ и подняла платье, лежащее на полу.

— Вы никакъ одѣты, Зоя Андреевна? Я говорю: бѣлья, кажись, не сняли съ себя? Вотъ ваше платье.

Федоръ Федоровичъ проводить васъ: онъ человѣкъ свободный.

— Пить! — тихо сказала Зоя Андреевна.

— Тамъ вамъ и пить дадутъ. — успокоительно произнесла Марья Петровна, дѣлая знаки сестрѣ, чтобы та закрыла дверь. — Тамъ послѣдятъ за вами. А я не могу: у меня дочь. Я не могу терпѣть больныхъ въ своемъ домѣ — другіе жильцы могутъ протестъ объявить...

Зоя Андреевна поднялась на локтѣ и поблѣднѣла.

— Позовите доктора, — сказала она еле внятно. — Онъ вамъ скажетъ...

Марья Петровна пожала плечами.

— Невозможно, Зоя Андреевна, невозможно, говорить вамъ. Пока докторъ, пока то, пока се. Тифъ вещь заразная... Да и почему вы въ больницу не хотите? Что васъ тамъ, съѣдятъ?

Слезы выпали изъ глазъ Зои Андреевны; видно было, какъ подъ одѣяломъ она заломила руки.

— Вы же знаете, — прошептала она, — меня тамъ положить на полъ, съ тифозными, съ ранеными..

— Что она говоритъ? — спросила Тамара Анну Петровну, стоящую ближе.

— Говорить, что ее, дѣйствительно, вошь въ вагонѣ покусала. Сама, говорить, сознаю, что тифъ.

Марья Петровна вдругъ подошла вплотную къ постели:

— Послушайте! Не силой же васъ везти, не маленькая! Вставайте.

Зоя Андреевна почувствовала, какъ внутри нея начинается вчерашняя, сумасшедшая дрожь.

— Закройте двери, — слабо крикнула она, — охъ, холодно! охъ...

Одѣяло, теплый платокъ и пальто запрыгали по постели.

— Нюта! — крикнула Марья Петровна, — пойди, позови Федора Федоровича.

Она схватила Зою Андреевну за плечи, сдернула одѣяло и стала натягивать на нее сперва платье, потомъ пальто. Платкомъ повязала ей голову, но надѣть туфли показалось ей унижительнымъ. Зоя Андреевна не сопротивлялась. Она только падала у нея изъ рукъ, какъ большая, мягкая, безпорядочно одѣтая кукла.

Федоръ Федоровичъ увидѣлъ ее высоко открытыя ноги въ однихъ чулкахъ, ее разбросанныя по постели руки.

— Да она не доѣдетъ, господа, что вы говорите, — сказалъ онъ уныло и громко, и сразу смутился. — Донести ее я донесу до извозчика, только этого мало. Вы посмотрите, она сидѣть не можетъ.

Анна Петровна, Тамара и Надюшка вышли изъ за его спины.

— Кто-жъ ее повезетъ? — испугалась Марья Петровна, — вѣдь невозможно намъ...

— Мужчина нуженъ, Федоръ Федоровичъ, мужчина нуженъ, — жеманно вскрикнула Анна Петровна.

Федоръ Федоровичъ не понимая глядѣлъ вокругъ себя. Красные волосы его торчали въ разныя стороны, рыжее лицо было тупо и неподвижно. Марья Петровна повернулась къ нему.

— Надо доброе дѣло сдѣлать! Женщина одна, въ чужомъ городѣ, Федоръ Федоровичъ. За ту цѣну, что вы у насъ живете, могу я васъ побезпокоить? И на извозчика вамъ дамъ, и на обратнаго тоже.

Марья Петровна открыла сумку Зои Андреевны.

Федоръ Федоровичъ повернулся къ дверямъ всѣмъ своимъ нелѣпымъ, костлявымъ туловищемъ.

— Сходите за извозчикомъ, — сказалъ онъ и пошелъ за шинелью.

Надюшка распахнула дверь па лѣстницу и съѣхала на перилахъ всѣ четыре этажа.

Тамара закурила, разглядывая комнату; Марья Петровна стояла у окна, дожидаясь конца кутерьмы.

Федоръ Федоровичъ длинными руками обнялъ крѣпко Зою Андреевну и понесъ. Она была въ безпамятствѣ.

Ноги ее покачивались и задѣвали стулья, и тогда она выпускала слабый стонъ и прижималась щекой къ старому сукну студенческой шинели. Ее укачивало: она цѣплялась за жесткіе рукава.

Уже на троттуарѣ раскрыла она глаза: снѣгъ, падавшій ей на лобъ, на мгновенье привелъ ее въ себя. Близко-близко увидѣла она мѣдную пуговицу съ орломъ, и пуго-

вица показалась ей давно знакомой, родной, любимой, словно была эта мѣтка чья-то, мѣтка друга, возлюбленнаго...

— Тише, тише, — говорилъ надъ ней голосъ, — не плачьте. Сейчасъ поѣдемъ.

Ее усадили въ высокую пролетку и снова обняли. Она ощутила смутный покой отъ этой послѣдней нѣжности.

Какъ стало тихо кругомъ, какъ спокойно... Но внезапно всю ее дернуло куда-то впередъ. Вѣтеръ (ахъ, какой вѣтеръ!) рѣзанулъ ей лицо, понесся на нее съ воемъ, съ ревомъ. Онъ разорветъ ее пополамъ, онъ унесетъ ее!

Ахъ, держите ее! Держите ее, господинъ студентъ! Будьте добренькій!...

Но, господинъ студентъ, обхвативъ ее за плечи, разсѣянно смотритъ назадъ, на высокія окна куделяновской квартиры. Тамъ четыре лица прижались къ стекламъ и глядятъ. Какъ искажены, какъ страшны эти лица! Ай-ай-ай! Никогда не замѣчалъ онъ раньше, что въ окнахъ такія безобразныя, такія кривыя стекла!

Н. Берберова.
Парижъ. Май 1927.